

СТЕНА

— Зачем так сразу силу-то применять?

В нашем городе Зильварене всякий знал: совершил гвардейцу — прощайся с жизнью. Я эту истину, в отличие от многих земляков, выучила на наглядных примерах, и уроки были болезненными. Около года назад мне пришлось наблюдать, как страж королевы в доспехах из кованого золота выпустил кишки моему соседу, потому что тот солгал о своем возрасте. А до этого случилось кое-что пострашнее: я онемела стояла на площади и смотрела, как из рассеченной мечом шеи моей родной матери хлещет горячая простонародная кровь, поливая иссущенный солнцами песок.

Сейчас, когда ладонь красавчика-гвардейца сжала мое горло, а его восхитительная латная рукавица с чеканными узорами начала ловить, точно золотое зеркало, отблески сиявших в небе солнц-двойняшек, я лишь чудом не лопнула, как перезрелый фрукт, и не выплеснула ему в лицо все свои тайны.

Пальцы, защищенные драгоценным металлом, глубже впились в мою плоть.

— Имя? Возраст? Сектор? Отвечай! Нищему сброду вход в Ступицу запрещен! — прорычал он.

Как и большинство городов, Зильварен, Великий и Ближайший Эталон Севера, имел форму колеса: от крепостной стены в центре — «ступицы» отходили другие стены — «спицы», делившие пространство на сектора, в которые был загнан простой люд. Стены эти возвышались метров на пятьдесят над трущобами и переполненными сточными трубами.

Гвардеец нетерпеливо меня встряхнул:

— Живо отвечай, девка, или я сделаю так, что ты отпра-вишься отсюда прямиком к вратам пятой преисподней.

Я будто невзначай ощупала латную рукавицу, но не нашла ни единой прорехи, которая помогла бы ослабить хватку на моей шее, поэтому изобразила улыбку — иначе говоря, оскалилась, хватая ртом воздух и закатив глаза к небесам, белым, как кости.

— И как же... скажите... я отвечу, если не могу... ни хрена... дышать?

В темных глазах гвардейца разгорался огонек ярости. Давление на мое горло только усилилось.

— Ты знаешь, какая жарища стоит в час Расплаты в дворцовых подземельях, где ворье, вроде тебя, дожидается суда? Знаешь, что там нет ни воды, ни чистого воздуха? От зловония гниющих заживо тел блюют даже палачи. Но ты сама сдохнешь, без их помощи. И трех часов не продержишься, не сомневайся.

Напоминание о дворцовых подземельях меня хорошо так взбодрило. Однажды я уже попалась на воровстве и провела там восемь минут. Этих восьми минут мне хватило с лихвой. В час Расплаты, когда наши солнца Балеа и Мин сходятся на небосводе и от полуденного зноя дрожит воздух, оказаться под землей, прямо под чертогами бессмертной королевы, в той бурлящей выгребной яме, что зовется тюрьмой, будет совсем не забавно. Кроме того, у меня имелась веская причина оставаться на поверхности. Если не вернусь в мастерскую до заката, сделка, над которой я билась полночи, пойдет прахом. Не будет сделки — не будет воды. Не будет воды — тяго придется людям, которые мне небезразличны. Страдать они будут, вот что.

Пришлось скрипнуть зубами и сдаться.

— Лисса Фоссик. Двадцать четыре. *Не замужем...* — Я подмигнула ему, но говнюк только еще крепче сжал пальцы на моей шее.

Темноволосых людей с голубыми глазами в Зильварене не часто встретишь, так что он наверняка меня запомнит. Возраст, названный мной, был подлинный, как и сведения о плачевном семейном положении, а вот имя — нет. Свое настоящее имя я ни за что не выдала бы без боя. Узнай этот засранец, что ему в лапы попалась *та самая* Сейрис Фейн, он реально обделался бы от счастья.

— Сектор? — подстегнул меня гвардеец.

Боги непреходящие, какой настырный! Сейчас пожалеет ведь, что спросил...

— Третий.

— Тре?.. — Гвардеец швырнул меня на прожаренный солнцами песок, и раскаленные песчинки обожгли гортань, когда я невольно их вдохнула. Следующий вдох я благоразумно сделала через рукав рубахи, но это не сильно помогло: самые мелкие частицы все равно пробились сквозь ткань.

Гвардеец попятился:

— Жителям Третьего сектора надлежит соблюдать карантин! Выход за пределы места проживания карается... карается...

А выход за пределы Третьего ничем не карался. Не было за это наказания. Потому что никто никогда на такое преступление не отваживался. Горемыки, выживавшие в замызганных закоулках и зловонных тупиках моего сектора, обычно подыхали до того, как им в голову приходила мысль о бегстве.

Ярость стоявшего надо мной гвардейца сменилась чем-то похожим на страх. И только теперь я заметила, что к поясу у него пристегнут кожаный мешочек — оберег, свидетельствующий о том, что передо мной Уверовавший, из тех, кого в Зильварене тысячи. В следующий миг он занес ногу, пошатнувшись от избытка чувств, и врезал мне каблуком сапога по ребрам. Я задохнулась от боли, а он уже примерился для нового удара. Били меня далеко не впервые, взбучку я вытерпела бы не хуже любого карманника, но в тот полдень не могла позволить фанатичному служителю Мадры отвести душу за мой счет. Меня кое-где ждали, и я уже опаздывала.

Стремительный разворот, бросок вперед, и я обхватила гвардейца за коленки — одно из немногих неприкрытых золотыми латами мест. Слезы брызнули как миленькие и выглядели очень правдоподобно. Сцену я разыграла хоть куда, опыта у меня в таких делах хватало.

— Брат, умоляю, не отправляй меня обратно в сектор! Я же там умру! У меня вся семья болеет хрипухой! — Для усиления эффекта я покашляла — получилось сухо и отрывисто, совсем не похоже на бурлящие мокротой хрипы умирающих от этого недуга. Но гвардец, похоже, таких в глаза не видел. Разинув от ужаса рот, он уставился на собственные колени, вокруг которых обвилась моя рука.

В следующий миг острие меча сверкнуло у меня над головой и уперлось промеж грудей, продрав рубаху. Оставалось чуток нажать — и одним дохлым вором, истекшим кровью на улицах Зильварена, стало бы больше. Я уж думала, он так

и сделает, но увидела, как у него на лице отразился мыслительный процесс: гвардеец понял, чем ему придется заняться после того, как он меня убьет. В разных секторах запросто оставляли мертвцев гнить прямо на улицах, но на обсаженных деревьями зеленых аллеях Ступицы все было иначе. Зильваренские элитарии не могли помешать западному ветру приносить в центр города раскаленные пески, но не потерпели бы вида чумной крысы, нагло разлагающейся у них под носом. Прикончив меня, гвардеец будет вынужден за собой прибрать, то есть избавиться от тела, а, судя по его лицу, к решению таких задач он готов не был. Да оно и понятно — если я из Третьего сектора, то куда опаснее заурядных воришек даже после смерти. Я — заразная.

Гвардеец сорвал латную рукавицу с крагой, а затем и кольчужную перчатку с той руки, которой он чуть было меня не придушил, и отшвырнул на песок. Полированный, сверкающий металл издал отчетливый вибрирующий звон, ударившись оземь. И звон этот, отдавшись эхом у меня в ушах, все же обратил в прах мои планы на вечер. Я только что попалась на краже малюсенькой гнотой железяки с рыночного прилавка, а пошла я на эту кражу, заранее взвесив риски и заключив: даже крошечный кусочек железа принесет прибыль. Но это?!.. Передо мной на песке лежало столько драгоценного металла, брошенного так, будто он ничего не стоит, что противиться искушению было невозможно.

Я двигалась со скоростью, которой гвардеец никак от меня не ожидал. Один молниеносный рывок в сторону, один гибкий взмах обеими руками — и я вцепилась в золото, выбрав тот кусок, что побольше. Перчатка, творение искусного мастера, была восхитительна: маленькие золотые колечки сплетались в тончайшее кольчужное полотно, неуязвимое, как известно, ни для клинка, ни для магии. Но кованые пластины латной рукавицы, которую носят поверх перчатки, вились на вид столько, что у меня голова пошла кругом — я в жизни не держала в руках такого количества золота.

— Стой! — Гвардеец ринулся за мной, но было поздно: я уже завладела рукавицей, уже сунула в нее кисть и защелкнула щитки на запястье, уже мчалась к крепостной стене Ступицы со всех ног. — Держите девку! — рявкнул страж королевы, и эхо оглушительного приказа заметалось над мощенным двором.

Однако никто и не подумал выполнить этот приказ. Толпа, собравшаяся поглазеть, когда гвардеец только поймал меня у рыночного прилавка, рассеялась в мгновение ока, точно стайка перепуганных детишек, стоило мне произнести слово «Третий».

Если этого человека приняли в гвардию королевы Мадры, значит, он выдержал суровую подготовку. Рекруты, прошедшие отбор, обучаются по жесточайшей полуторагодичной программе, включающей все виды боевых искусств, о каких только можно прочесть в пыльных лабиринтах зильваренских библиотек. За это время из них выжимают все соки и выворачивают наизнанку, так что дожившие до получения диплома превращаются в механизмы из плоти и крови, способные терпеть невообразимую боль и в совершенстве владеющие любым оружием, что делает их непобедимыми в бою. На каком-нибудь тренировочном плацу в казармах я бы не выстояла и четырех секунд против гвардейца с полной выучкой. Но Мадра требовала, чтобы ее королевская гвардия была лучшей из лучших. В своей ненасытной гордыне она не знала границ, а потому ее людям надлежало не только *быть* лучшими, но и *выглядеть* таковыми. В результате гвардейский доспех имел немалый вес. Так что да, на тренировочном плацу этот воин, в чьи лапы я попалась на краже железа, не оставил бы от меня мокрого места. Только вот мы были не на плацу. Мы были в Ступице, у самой стены, и настал час Расплаты, то есть раскаленный полдень, а говнюк был нагло упакован в свои понтовые латы, как индейка в глину для запекания в праздничный день.

Он не мог бегать под грузом такого количества металла.

Даже трусцой.

И он уж точно не сумел бы залезть на гребаную стену.

Я рванула к восточной части стены, работая руками и ногами настолько быстро, насколько позволяли помятые ребра. Оттолкнулась, подпрыгнула и вцепилась в крошащийся песчаник, с разгону ударившись всем телом о каменную кладку так, что из легких вышибло воздух.

— Ох-охххх...

Ощущение было такое, будто Элрой размахнулся кузнецким молотом и шарахнул мне прямо в солнечное сплетение. Страшно даже подумать, сколько синяков я насчитаю завтра утром, если конечно, завтрашнее утро для меня настанет.

Впрочем, на размышления времени не оставалось. Я поглубже засунула пальцы в узкую щель между здоровенными глыбами песчаника, оскалилась от напряжения и подтянулась на руках. Забила ногами в поисках опоры. Нашла. Но в этот момент моя правая рука сокользнула...

Распроклятая рукавица!

Дурацкая конструкция...

Золото лязгнуло, металлический звон разнесся песнью сирены, когда я хлопнула рукавицей о стену, пытаясь найти за что ухватиться. Пальцы мои — проворные, цепкие, созданные для того, чтобы взламывать замки, вскрывать запертые окна, ерошить густые волосы Хейдена, — не справятся, если я не смогу согнуть руку в запястье. А я не могла это сделать.

Вот дерньмо!

«Если хочешь жить, делать нечего — придется бросить рукавицу», — мелькнула самая что ни на есть нелепая мысль. Рукавица весила фунта четыре*, не меньше. Это была не просто украденная часть гвардейского доспеха. Это было образование для моего брата. Три года жратвы. Билеты на юг, туда, где полуденные ветра, гуляющие по выжженным плоского-рьям, на двадцать градусов прохладнее, чем здесь, в Зильварене, Серебряном городе. У нас будет достаточно денег, чтобы купить небольшой дом, если захотим. Без лишней роскоши, конечно. Просто надежный дом, защищенный от непогоды, то, что я смогу оставить Хейдену в наследство, когда — или все-таки *если?* — гвардейцы меня сцапают окончательно.

Нет, бросив рукавицу, я потеряю нечто такое, что куда дороже жизни. Я потеряю надежду. А расстаться с этой штукой просто так я была не готова. Сначала можно и руку вывихнуть, а там посмотрим...

Короче, я решила побороться.

— Девка, не дури! — заорал гвардеец. — Сорвешься! Даже до середины не долезешь!

Если воин вернется в казармы без латной рукавицы, будут последствия. Я понятия не имела, что его ждет, но подозревала, что ничего хорошего. К примеру, этому засранцу могли отрубить руки до запястий и закопать его по шею в песок,

* Фунт равен 0,4 кг, то есть рукавица весила 1,6 кг (*здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.*).

чтобы заживо сварился на полуденной жаре. Да и хрен с ним. Я иду домой.

Пальцы были разодраны в кровь, плечо горело огнем, пока я болталась на одной руке, елозя ногами по стене в поисках неровности, от которой можно будет оттолкнуться. Вверху я приметила участок кладки, которая выглядела пусть и старой, но еще относительно крепкой. По крайней мере, оставалось на это надеяться. Дай ветрам время, и они сожрут все подчистую, а Зильварен служит их любимым лакомством тысячи лет. Песчаник обманчив. Городские строения и стены казались основательными на вид, но на деле таковыми не являлись. Одним мощным пинком можно было обрушить целое здание — такое реально случалось. Не то чтобы я была слишком тяжелой, но тут большого веса и не требовалось. В общем, я действительно готовилась рискнуть здоровьем и жизнью, ударившись о кирпичную кладку.

Сердце ухнуло в пятки, когда я все-таки оттолкнулась ногами и прыгнула вверх... а потом оно отрикошетило и застряло в глотке, когда я опять врезалась в стену животом. Адреналин хлынул в кровь, едва я осознала, что случилось три чуда подряд.

Первое: каменная кладка устояла.

Второе: моя левая рука нашла за что зацепиться.

Третье: плечо не выскочило из сустава.

Теперь нужно было нашупать опору для ног.

Для ног... Опору... Для обеих...

СУКА!

Сердце опять чуть не вылетело из груди, потому что подошва сапога соскользнула с каменного выступа и я закачалась на одной руке.

Где-то подо мной раздался испуганный женский возглас — похоже, мне опять посчастливилось собрать зрителей.

Вниз я смотреть не стала. Понадобилось некоторое время на то, чтобы прекратить раскачиваться и снова обрести точку опоры. После этого удалось немного перевести дух.

— Девка! Разобьешься же! — крикнул гвардеец.

— Может, и разобьюсь! А вдруг нет? — отозвалась я.

— Все равно зря стараешься! В этом городе нет ни одного барыги, настолько тупого, чтобы купить краденую часть доспеха!

— Да прям! Могу хоть сейчас вспомнить парочку!

Вообще-то, я не могла. Как бы тяжело ни приходилось зильваренцам, даже в самые черные времена, когда целые семьи умирали от голода, ни один обитатель этого города не рискнул бы связаться с такой опасной штукой, как латная рукавица, поблескивавшая на моей правой руке. Но это не имело значения. Потому что я не собиралась ее продавать.

— Я не буду тебя преследовать, даю слово! Брось мне рукавицу, и я позволю тебе уйти!

У меня не вышло сдержать смех. А еще говорят, у гвардейцев нет чувства юмора! Да это же сраный король шутов!

Так, еще один прыжок. Еще одна обжигающая волна боли в плече и ребрах. Я просчитывала траекторию по мере возможности, каждый раз норовя ухватиться за самый прочный на вид участок кладки, меньше других изъеденный ветрами. В конце концов, оказавшись достаточно высоко над улицами Ступицы, я позволила себе отдохнуть и собраться с мыслями. Выроню ли я рукавицу, если сейчас сниму ее с правой руки и попытаюсь надеть на левую? И что еще важнее — сумею ли в процессе переодевания удержаться на стене более слабой из двух рук? Нужно было просчитать множество вероятностей, но времени на это у меня совсем не осталось.

— А как ты собираешься спуститься на ту сторону, детка?

Уже не «девка» — «детка»? Ха! Бесстыжий ублюдок! Сейчас его крик звучалтише — я была в пятидесяти футах* над землей, настолько высоко, что уже видела край стены. Настолько высоко, что у меня на загривке выступила холодная испарина, когда я все-таки взглянула вниз.

Гвардеец, однако, поднял правильную тему. Спускаться со стены будет не менее опасно. Но этот мальчишка на побегушках у бессмертной королевы, стоявший сейчас на мощеном дворе, родился в приличном доме и вырос в Ступице. Его родители не привыкли даже двери на ночь запирать. Этому парню ни разу и в голову не пришло вскарабкаться на стену, защищавшую его от черни, что обреталась по ту сторону. Я же провела полжизни, гоняя по кромкам «спиц», перебираясь из одного сектора в другой и отыскивая лазейки в те места, куда сброду, вроде меня, ход был заказан.

Я стала мастером в таких делах. Более того, меня это забавляло.

* Фут равен приблизительно 0,3 метра (примеч. ред.).

Оставшийся участок подъема я преодолела за пару минут. Латная рукавица хлопнула по небольшому песчаному гребню, наметенному ветрами на кромке. Когда я подтягивалась, чтобы оседлать стену, частицы кварца в песке завибрировали и задрожали в воздухе, поднявшись на пару волосков над блоками песчаника. Потому что золото ожило.

Я оцепенела, даже дышать перестала — это зрелище за-стало меня врасплох.

Нет. Только не здесь. Не сейчас...

Рукавица зашептала, закачалась, заходила ходуном у меня на руке, пока я перебрасывала ногу через стену. А частицы кварца взлетали все выше и выше...

«Она видит нас.

Она нас чувствует.

Она видит нас.

Она нас чувствует.

Она...»

Я накрыла рукавицу другой ладонью, и металл успокоился. Сверкающие кристаллики кварца опустились на песок.

— Я найду тебя, девка! Клянусь! Брось рукавицу, или обретешь заклятого врага!

Ну наконец-то! В вопле гвардейца прозвучали нотки паники. Видимо, он разобрался-таки, что происходит. Я не собираюсь разбиваться в лепешку и вряд ли случайно уроню рукавицу, которую он с таким отвращением швырнул на песок, когда понял, что прикоснулся к разносчице заразы.

Я прокользнула сквозь его пальцы — голые пальцы! — и он уже ничего не мог поделать. Ему оставалось лишь орать угрозы вслед призраку, что растворялся на фоне белых небес. Я и правда почти скрылась из виду. Дурень, топтавшийся внизу, стал не первым моим заклятым врагом среди служителей Мадры, и мне уже не было до него дела. Куда больше меня занимали мысли обо всех чудесных вещах, которые принесет его восхитительная латная рукавица.

Но сначала эту грандиозную добычу надо было переплавить.

